

«Целый край с людьми, природой и всеми богатствами...»

DUKES P. (2015). A HISTORY OF THE URALS: RUSSIA'S CRUCIBLE FROM EARLY EMPIRE TO THE POST-SOVIET ERA. LONDON: BLOOMSBURY. XIV, 229 P. ISBN 978-1-472-57378-0

Наталья Веселкова

Кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет

Адрес: ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620002

E-mail: vesselkova@yandex.ru

«История Урала» британского историка Пола Дюкса — первая книга, знакомящая англоязычного читателя с жизнью Урала за продолжительный период со времен Ивана Грозного до наших дней, так что героями повествования оказываются не только Ермак и Татищев, но и Троцкий, Ельцин и Ройзман. Известный своими трудами по истории екатерининской России, о сверхдержавах США и СССР и др., Дюкс заинтересовался Уралом благодаря общению с уральскими историками, обращение к публикациям которых позволяет оценить и произведенную в 1990–2000-е гг. работу по (пере)осмыслению истории края. Дюкс пытается разрушить привычный стереотип восприятия Урала в качестве всего лишь границы Европы и Азии, показывая как национальное, так и мировое значение края. Кроме того, вертикальная ось «север—юг» сегодня оказывается намного актуальнее горизонтали «Европа—Азия». Аналитически история Урала раскрывается через три волны российских модернизаций, каждая из которых характеризуется через систему государственного контроля, использования ресурсов и развития культуры. Любопытна игра масштабов, прежде всего регионального и национального, к которым иногда добавляются сравнительные наблюдения о Российской и Британской империях, советской и американской индустриализации. Книга визуализирует Урал с помощью блестяще подобранного и выстроенного изобразительного материала — от Золотой бабы на древних картах до Хозяйки Медной горы, запечатленной Дюксом во время экскурсии на границу Европы—Азии.

Ключевые слова: Пол Дюкс, история Урала, российские модернизации, масштаб региональный, масштаб национальный, Российская империя

Я подарил им целый край...

Д. Н. Мамин-Сибиряк

Летом 2015 года почетный профессор Абердинского университета Пол Дюкс представлял участникам конференции в Екатеринбурге¹ две свои последние работы. Это уже переведенная на русский книга «Минуты до полуночи» (Дюкс, 2015а

© Веселкова Н. В., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-1-141-155

1. Всероссийская научная конференция с международным участием «Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв.» 24–25 июня 2015 г., организованная Институтом истории и археологии УрО РАН.

[2011]), где ставший повсеместным антропоцен² предлагался российским коллегам в качестве, ни много ни мало, объединяющей платформы, которая способна, по мнению автора, занять когда-то принадлежавшее марксистской методологии место, и «История Урала: плавильный тигль России с истоков империи до постсоветской эры». Здесь ученый рисует свою роль гораздо скромнее, если скромным можно считать сравнение с Екатериной Великой. Профессор солидаризируется с ее выражением — как ворона в басне, ряжусь в павлиньи перья (р. xi). Так императрица писала Фридриху II о своем «Наказе Уложенной комиссии», имея в виду заимствования из Монтескье и других источников: «в этом сочинении мне принадлежит лишь расположение материала, да кое-где одна строчка, одно слово»³. Эта отсылка у британского историка имеет несколько смыслов. Эпоха Екатерины когда-то вдохновила Дюкса на диссертацию о российском дворянстве по материалам Уложенной комиссии 1767 года (Dukes, 1967), с которой начинается ряд его работ о России, включая двухтомник о правлении Екатерины Великой (Dukes, 1977–1978), книгу о российском абсолютизме (Dukes, 1982) и др.

От екатерининского «Наказа» отправлялись и рассуждения Дюкса в его первый приезд в Екатеринбург (Дюкс, 2007). Вообще, написанию «Истории Урала» предшествовали три визита британского ученого на конференции Института истории и археологии Уральского отделения РАН в 2007–2013 гг.⁴ Своими впечатлениями от этих поездок профессор делится в предисловии и послесловии «Истории Урала», обрамляя, таким образом, основной текст, жанр которого определяется как преимущественно аналитический нарратив (р. 4).

Обнаружив отсутствие современной истории Урала на английском, Дюкс решил создать такую книгу, первоначально — для студентов Абердинского университета (Уральский центр, 2007). Конечно, в распоряжении англоязычного читателя есть некоторые издания об Урале. «Гора Магнитная» Стивена Коткина (Kotkin, 1995) давно стала интеллектуальным бестселлером, вдохновляющим исследования советской субъективности. На волне российской «архивной революции» появились также публикация другого американского историка Дж. Харриса о Большом Урале (Harris, 1999) и недавнее исследование профессора Стокгольмского университета Л. Самуэльсона о танкограде Челябинске (Samuelson, 2011; Самуэльсон, 2010)⁵. Они охватывают, однако, более узкие, чем у Дюкса, период и тематику, при-

2. См., напр.: Moore, 2015. П. Дюкс (2015б: 171) поясняет, что термин «антропоцен», предложенный в 2000 году, означает определяющую роль человека в изменении окружающей среды.

3. Дюкс цитирует начало фразы, ее окончание дается здесь по: Ключевский, 1990: 70.

4. «Судьба России: вектор перемен» (Екатеринбург, 8–10 июня 2007 г.), организованная Уральским государственным университетом им. А. М. Горького, Уральским центром Б. Н. Ельцина (Екатеринбург) и Академией политической науки (Москва); Всероссийская научная конференция «Диффузия европейских инноваций в Российской империи» (10–11 ноября 2009 г.), Институт истории и археологии УрО РАН; Всероссийская научно-практическая конференция «Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв.» (5–16 мая 2013 г.).

5. Изданная в 1950 году на французском книга Роже Портала об Урале (Portal, 1950, рус. 2004) на английский не переводилась и посвящена только XVIII в., Дюкс ссылается на нее в 1-й и 2-й гл. На французское издание Портала мне указала Е. В. Алексеева; благодарю также за консультации и об-

мерно соответствующие пятой главе «Истории Урала», где автор на них и ссылается, рекомендуя в списке для дальнейшего изучения, особенно тем, кто, «к сожалению, не читает по-русски» (р. 221).

Сам Дюкс большей частью апеллирует к изданиям на русском; в том, что касается непосредственно Урала, — к трудам уральских историков. Среди них такие замечательные работы, как «Жизнь в катастрофе» И. Нарского (2001) и издания челябинского Центра культурно-исторических исследований (Слухи в России, 2011). Шесть книг выделены в отдельный пул (р. 221) (тщательно задокументированные, заимствования из них являются еще одной коннотацией фразы про ворону из басни).

Колоссальный труд автора по обобщению нового для него материала⁶ дает возможность оценить и грандиозную работу уральских ученых по (пере)осмыслению истории края, произведенную в 1990–2000-е гг. Например, «Урал: век двадцатый» (Кириллов, Попов, 2000) аккумулировал достижения современной отечественной историографии, представляя как новые данные, так и глубокий критический анализ, развенчивающий мифологемы советского периода. Эта книга адресовалась широкому читателю и, видимо, поэтому была «облегчена» за счет удаления всех примечаний, что соответствует заявленному жанру «очерков истории», но выглядит по меньшей мере странно для научного издания, на статус которого тоже претендует. Вскоре на основе этой и других работ вышел замечательный школьный учебник по истории Урала (Огоновская, Попов, 2004), в котором и не должно быть указаний на архивные фонды. Именно эти две книги наиболее интенсивно использует Дюкс. Проходя по его ссылкам на данные издания, признаюсь, с досадой упиралась в невозможность добраться до первоисточников. Не будучи историком, но питая приязнь к архивам, я была удивлена отсутствием ссылок на архивные источники и у Дюкса. У него есть, правда, одна или две интересные выдержки из опубликованных документов — про усиление идеологического контроля над послевоенными ростками свободомыслия среди молодежи (р. 146–147), когда члены литературного студенческого общества «Снежное вино» в Челябинске получили от 3 до 10 лет лагерей (Лашин, Песляк, 2006 [1946]). С другой стороны, ожидание от работы историка непереносимых ссылок на архивы, может быть, столь же наивно, как и стереотипы не-социологов о том, что социология — это обязательно проценты опросов (а то и статистика вроде того, сколько людей живет за чертой бедности, и т. п.).

Так или иначе, имея под рукой используемые автором тексты, любопытно проследить, что ученый из них берет, как по-своему выстраивает и нюансирует материал. И бог, и дьявол кроются в деталях, что, как мне кажется, хорошо

мен мнениями по разным вопросам В. И. Байдина, С. И. Быкову, М. В. Ромашову, В. Сирутвичуса, Г. А. Янковскую.

6. «Металлургия Урала» (2008) — увесистый том в 886 с., «Уральская историческая энциклопедия» (Алексеев, 2000б) насчитывает 640 с., «Урал в панораме XX в.» (Алексеев, 2000а) — 495 с., столько же в учебнике «История Урала с древнейших времен до наших дней Урала» (Огоновская, Попов, 2004).

показывают следующие два примера применения кавычек в книге Пола Дюкса. В исходном фрагменте о специальном решении политбюро ЦК ВКП(б) и НКВД о массовых арестах, расстрелах и выселении в новые лагеря кавычки весьма многозначительны: «На Урале чекистам „разрешалось“ расстрелять 7,7 тыс. человек, 15,5 тыс. — отправить в лагеря и тюрьмы» (Кириллов, Попов, 2000: 112; Огоновская, Попов, 2004: 355). У Дюкса кавычки с «разрешения» пропадают: «С августа 1937 по февраль 1938 проходили массовые аресты; Уральскому НКВД было дано разрешение расстрелять 7700 человек и отправить в лагеря и тюрьмы 15 500 человек» (р. 126). И, напротив, кавычки появляются в рассказе о боевом пути сформированной на Урале 22-й армии, которая во время Великой Отечественной, в частности, освобождала Латвию (Кириллов, Попов, 2000: 143–144; Огоновская, Попов, 2004: 387–388). У Дюкса говорится об «освобождении» в кавычках, и не конкретно Латвии, а Балтийских государств (р. 135–136), что подчеркивает суверенный статус этих территорий. Литовский историк, которого я недавно расспрашивала о такой трактовке, сказал, что сегодня у них для тех событий «освобождение», скорее всего, даже в кавычках невозможно. Избегая каких-либо оценок в этом конкретном эпизоде и будучи сдержанным в своем повествовании в целом, Дюкс тем не менее держится вполне в русле западного нарратива и, более того, подчас оказывается на той небезопасной линии, где историография смыкается со злободневной политической повесткой.

Такой выход на «линию фронта», стремление увязать тянущиеся из древности нити с новейшими событиями соответствуют стилю Дюкса с ранних его работ и до сего дня. Впервые изданная в 1974 г. «История России» в 90-е была дополнена двумя новыми главами — о брежневской эпохе и событиях после 1985 г. и вплоть до 1996 г. (Dukes, 1998). Написанная в 1969 г. книга о появлении сверхдержав в сравнительной перспективе истории США и СССР заканчивала рассказ 1969 г. (Dukes, 1970). Снова обращаясь к этой теме в начале нулевых (Dukes, 2001), автор уже оставляет открытой границу периода, начатого 1991 г.; подобным образом заканчивается и периодизация в «Путях к новой Европе» (Dukes, 2004). На этом фоне становится более понятным — хотя от этого не менее поразительным, — что изданная в 2015 г. книга по истории (!) Урала доводит повествование до 2012 г.

Хронологическое деление на периоды и в рецензируемой работе представляет собой своеобразную инновацию. Границы периодов небанальны и не повторяют периодизацию в предыдущих работах Дюкса о России. Так, первая глава приглашает нас в 1552–1725 гг., под общим заглавием «Создание Российской империи» рассказывая о колонизации Урала; отсчет ведется с взятия Казани Иваном Грозным в 1552 г. Вторая глава «Царская модернизация, 1725–1825» связывает модернизацию, как следует уже из дат, не с петровским, а с послепетровским периодом. Ни начало Первой мировой войны, ни 1917 год не стали границами периода, эти даты вписаны в главу четвертую «От царской России к советской, 1894–1921». Подобным образом и 1939, и 1941 годы рассматриваются внутри главы пятой «Советская модернизация и Великая Отечественная война, 1921–1945».

Если периодизация может интриговать, то тональность заглавий вполне спокойная, что особенно чувствуется в сравнении с изданиями, состоящими с «Историей Урала» в отношениях тесной интертекстуальности. Так, название седьмой главы «Застой и коллапс, 1964–1991» выдержано хотя и в мрачных, но вполне устойчивых, стандартных терминах, в отличие от исполненного драматизма «Угасающего величия», как именуются годы застоя в книге «Урал в панораме XX века» (Алексеев, 2000а: гл. 8)⁷.

Теоретико-методологической основой избрана эволюционная концепция модернизации⁸, которая включает в себя три пересекающихся процесса: государственный контроль, использование природных и человеческих ресурсов, развитие культуры (р. 3). Собственно, по этим трем аспектам — сильно напоминающим политическую, экономическую и культурную сферы из отечественных учебников — и организован материал каждой главы. Сегодня Россия переживает третий виток модернизации, после того как до 1991 г. осуществлялась советская, а до нее — царская, говорится во Введении.

Стадиальность российских модернизаций придают повествованию интригу и динамизм: если «царская и советская модернизация не удалась, какая судьба ждет следующую попытку, уже новой России?» (р. 181). В целом такой подход неплохо работает, обеспечивая трехчастную схему для сжатого изложения (200 страниц на восемь глав плюс еще три десятка страниц справочно-библиографического аппарата) сфокусированной на Урале российской истории с 1552 по 2012 год. От критического разбора теории модернизации Пол Дюкс воздерживается, между тем эта оптика насколько распространена, настолько же и уязвима. Одно из главных сомнений в адекватности модернизационного подхода для анализа российских процессов обычно связывают с хронической скудостью гражданской сферы. Фиксируя в цифрах и фактах нехватку жилья, продуктов питания и предметов первой необходимости, про дефицит гражданских институтов напрямую Дюкс не пишет. Вместо этого он проводит мысль о традициях абсолютизма в политической сфере, противоречиях и попытках протеста, завершая пожеланием успеха в модернизации и развитии гражданского общества (р. 204).

Игра масштабов и перспектив

В книге об Урале автор выводит на первый план именно уральские реалии, показывая их в то же время как проявление общенациональных процессов. Сравни-

7. Затем это название будет воспроизведено как «СССР: хроника „угасающего величия“ (1970–1985)» в другой книге о новейшей истории Урала (Кириллов, 2008). Там же сюжет с Уральской республикой не менее драматично озаглавлен «1991 год: „Время упущенных возможностей“» (ср. с названием гл. 12 в работе «Дни поражений и побед» Е. Гайдара [1996]); Дюкс использует другую монографию Гайдара — «Гибель империи» [Гайдар, 2006]).

8. Модернизационный подход в качестве методологии представлен в обстоятельном труде (Алексеев, Гаврилов, 2008), который входит в пул шести наиболее интенсивно используемых текстов и на который Дюкс ссылается начиная с первой главы своей книги (см., напр., ссылку 25 [р. 51]).

тельная перспектива в масштабах страны реализуется через диалектику общего и особенного: в чем уральцы были первыми, что здесь происходило быстрее, вырождалось сильнее или слабее. «Корниловский мятеж и последующие события в Петрограде привели к дальнейшей политической поляризации повсюду. На Урале процесс радикализации шел быстрее, чем в других частях империи: в августе в Екатеринбурге местный съезд советов рабочих и солдатских депутатов первым в России принял большевистские решения» (р. 92, автор здесь вполне следует сравнительной логике исходных текстов: Кириллов, Попов, 2000: 41; Огоновская, Попов, 2004: 294).

Ловушкой такого подхода может стать блуждание фокуса между текстом и контекстом, рамой и предметом, когда не ясно, раскрывается ли национальная история через региональную или все-таки уральская — через общероссийскую. Закономерность подобного соскальзывания, а равно и достижения Дюкса в его преодолении помогает понять сопоставление с упоминавшейся работой Л. Самуэльсона о Челябинске. Потому ли, что книга Дюкса написана все же позднее, когда потрясение от вала новых сведений о советской истории улеглось и самые бурные дискуссии, во всяком случае на начальном витке, миновали, или потому, что горизонт британского историка шире — от начала империи и до наших дней, ему намного последовательнее удается держать фокус именно на Урале. Причем даже в тех случаях, когда речь идет о фигурах первого плана — от Ермака до Ельцина.

Так, Урал эпохи Ивана Грозного показан через Строгановых и поход Ермака, эпохи Петра I — через деятельность Демидовых, В. Н. Татищева и В. де Генина (гл. 1). Их усилиями тогда был заложен вектор индустриального развития региона, обусловившего определяющую роль Урала в судьбах отечества. Эта роль является краеугольной и для принципиального различия в моделях роста Российской и Британской империй. И та и другая переживали период роста, однако, в отличие от морской экспансии Британской короны, Россия расширялась и крепла континентально, в немалой степени за счет уральских недр и заводов (р. 27, 199). Татищев с его «Произвольным и согласным рассуждением и мнением собравшегося шляхетства русского о правлении государственном» фигурирует и в следующей главе, помогая Дюксу донести важную для него мысль о предпосылках абсолютизма в российской государственности (р. 29, см. также: Dukes, 1982). В рассказе о становлении советской власти персоной национального масштаба на Урале выступает Троцкий; Ленин, хотя и не бывал на Урале, неоднократно подчеркивал его экономическое и стратегическое значение (гл. 4, р. 97)⁹.

Подводя итоги периоду с 1945 по 1964 год, автор впервые вводит фигуру Б. Н. Ельцина. Происходя из семьи раскулаченных, будущий первый президент пережил много трудностей и лишений, прежде чем поступил в Уральский политех. Дюкс считает Ельцина прекрасным примером «послевоенного советского человека — высокомотивированного, напористого и амбициозного, безусловно

9. В подтверждение последнего утверждения автор отсылает читателя к 12 (!) высказываниям Ленина в 39 и 40 тт. ПСС.

лояльного» (гл. 6, р. 159). Карьера Ельцина иллюстрирует многие проблемы и достижения Уральского региона. Живость изложению придают замечания, подобные тому, что у Ельцина в его бытность первым секретарем Свердловского обкома были хорошие отношения с местными военными и КГБ. Утечка спор сибирской язвы с секретного производства и пожар на Белоярской атомной электростанции в конце 1978 г. при температуре -57°C^{10} могли бы доставить много больше проблем, когда бы не эти связи (р. 171).

Послеельцинские времена сложнее поддаются региональной фокусировке. Дюкс подробно останавливается на президентском послании Д. А. Медведева Федеральному собранию 12 ноября 2009 года, подчеркивая его слова о модернизации, технологической и социальной. Уральская карта разыграна через инцидент с екатеринбургским студентом, обвиненным в организации несанкционированного протеста. Этот эпизод подается в контексте заявлений президента: на встрече с уральскими журналистами 28 ноября 2011 года Медведев напомнил, что в такой стране, как Россия, не может быть слабой государственной власти, в то же время в заключительном послании 22 декабря 2011 года отметил необходимость предоставить активным гражданам законную возможность участия в политической жизни (р. 193).

Итоги выборов в Государственную думу вызвали тогда много скепсиса и выражений протеста. Участником одного из митингов и стал юноша, «арестованный» и вскоре «освобожденный», объясняет Дюкс, при участии правозащитника В. Башкова и оппозиционного политика Е. Ройзмана, руководителя влиятельного Фонда «Город без наркотиков». Профессор цитирует статью Тома Балмфорта, где данный инцидент расценивается как свидетельство участия молодых образованных выходцев из среднего класса в растущем протестном движении по всей стране (Balmforth, 2012). Наверное, здорово, что этот забытый сегодня случай вошел в английскую книжку, стоит только быть внимательнее к нюансам. Изложение Дюкса создает впечатление, будто именно 20-летние студенты проснулись от политической апатии и при посредстве социальных медиа образовали ядро протестных движений (р. 194). Против такого смещения акцентов работает уже следующий абзац текста Балмфорта, где журналист приводит слова «независимого политолога» (доктора политических наук, добавим) К. Киселева о том, что социальной базой протеста стали представители молодого поколения 25–30–35, но также и более взрослые люди.

Ройзман еще раз упоминается на следующей странице в связи с его избранием на пост мэра Екатеринбурга, что противопоставляется назначению И. Холманских, выходца из «важного центра военной промышленности» Нижнего Тагила, «правителем Уральского региона» (р. 195) — требующее уточнений определение статуса полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе.

10. Так в тексте. Обычно пишут $0 - 47-50^{\circ}\text{C}$.

В целом же значимость Урала в начале третьего президентского срока В. В. Путина демонстрируют приоритеты государственной политики, воплощенные в трех городах региона. Растущие Ханты-Мансийск и Салехард (Обдорск) символизируют нацеленность на эксплуатацию природных ресурсов, а закрытый Ямантау/Межгорье (Белорецк 15 и 16) знаменует приоритет обороны (р. 195–196). В любом случае сегодня актуальна вертикальная ось — отношения между богатым нефтью и газом российским вообще и уральским в частности севером и югом, а не горизонтальная, между Европой и Азией, геополитически заключает Дюкс.

Визуальный подарок и другие щедроты

Чтобы «подарить» Урал не знакомому с ним читателю, нужно сделать этот край представимым, в том числе и буквально зримым и читаемым. Решению этой задачи способствует визуальное насыщение издания, благодаря которому Урал в прямом и переносном смысле наносится на карту. Сразу после короткого предисловия размещены три схематических изображения: царского, советского и постсоветского Урала, с указанием доступа в сети Интернет. (Стоит отметить, что карты сопровождают почти все книги П. Дюкса.) Примерно в середине тома еще 13 страниц отведены иллюстрациям (р. 102–114). Открывает эту подборку карта Московии XVI в. из «Записок» Сигизмунда фон Герберштейна, приведенная по лондонскому изданию 1851–1852 гг. из собрания библиотеки Абердинского университета¹¹: в ее описании профессор обращает внимание на «пояс земли», обозначающий уральские горы, и «Злату бабу» на берегу Оби (fig. 1, р. 102). Фигура Герберштейна символизирует открытие внутренней России иностранному взору, цитата из его произведения как бы благословляет читателя проследить, каким путем Урал осваивался самой Россией (р. 7). Прямая отсылка к иллюстрации в этом месте помогла бы соотнести отстоящие друг от друга на сотню страниц текст и картинку, но Дюкс избегает таких жестких связей.

Из «Исторического очерка британской торговли вокруг Каспийского моря» Джонаса Хенвея использована «Карта Оренбургской экспедиции» 1747 г. вместе с пояснением английского путешественника о том, что карты российских доминионов вручил ему генерал Татищев (р. 107). На следующей странице — карта Европейской и Азиатской территории России конца XVII в. из «Северной и Восточной Тартарии» Николааса Витсена (всего из этой книги взято четыре иллюстрации: р. 103–104). Семь изображений даются по книге «Металлургия Урала» (Алексеев, Гаврилов, 2008): благородные лики основателей Екатеринбурга В. Татищева и В. де Генина, рисунки металлургического производства из «Описания уральских и сибирских заводов» 1735 г. последнего (к сожалению, в подписях потерялось указание на то, что эта книга де Генина — рукописная) и т. д.

11. В первом русском издании Суворина 1908 г. эта же карта дана по базельскому изданию «Записок» 1556 г.

Визуальный ряд обладает глубоко продуманной стройной композицией, придающей ему не только целостность, но и относительную самостоятельность. Начатый при участии Золотой бабы образца XVI в., он завершается ее последней версией, каковой Дюкс считает радушную хозяйку медной горы в большом кокошнике, запечатленную им лично во время экскурсии на границу Европы–Азии в 2007 г. (Fig. 19, p. 114). Ученый упоминает этот эпизод во Введении (p. 1), разъясняя базовый посыл своей книги. Его не устраивает, что Урал привычно позиционируется и воспринимается всего лишь как внутриконтинентальная граница: «Конечно, Урал стал известен как пункт маршрута из Москвы в Сибирь. Вместе с тем распространение металлургической промышленности, происходящее с XVIII в. и до наших дней, придало региону своеобразие, его особую идентичность, обусловленную прежде всего мнением центрального правительства о значимости Урала для обороноспособности и мощи государства» (p. 3). Настала, однако, пора осмыслить этот край как «значимую часть всей планеты», ведь «на самом деле история Урала — это микрокосм современной мировой истории, движущейся от охоты, сельскохозяйственного и коммерческого этапов посредством индустриального» (p. 4).

На протяжении всей книги историк тщательно фиксирует меняющиеся административные контуры региона, пытаясь осмыслить закономерность этих трансформаций. Урал — в большей степени историческое, чем официальное образование, полагает ученый (p. 4). В то же время конфигурация фактически сложившегося на сегодняшний день Уральского экономического региона радикально отличается от установленных границ Уральского федерального округа¹², что побуждает автора задать риторический вопрос: не является ли сложившееся положение элементом политики «разделяй и властвуй» центральных властей (p. 190–191)?

К числу достоинств «Истории Урала» Дюкса следует отнести насыщенность живыми деталями и разнообразной статистикой, неотрывными от аналитических суждений. В шестой главе «Послевоенное восстановление и холодная война, 1945–1964» история атомных закрытых поселений на Урале выделена в отдельный, довольно объемный подраздел — «Сталин и Хрущев: закрытые города, 1945–1964» (p. 150–159). Автор подчеркивает, что в закрытых городах стала особенно сильной идея осажденной крепости, знакомая на Урале в XVII–XVIII вв. (p. 153). Богатая статистика в этой части книги перемежается с уникальными данными социологических исследований из публикации уральского историка Н.В. Мельниковой (2006), которую британский ученый очень высоко оценивает. К сожалению, в ссылках на ее работу профессор не уточняет, идет ли речь о данных из проведенного Мельниковой ретроспективного опроса жителей г. Лесного или же, например, об использованных ею цифрах из исследования 1968 г., сохранившихся в

12. ХМАО, ЯНАО и Тюменская область относятся к Уралу политически, тогда как экономически — к Западной Сибири; Оренбург, Пермь, Башкирия и Удмуртия экономически тяготеют к Уралу, однако входят в Волжский федеральный округ, — удивляется П. Дюкс (p. 190).

текущем архиве группы социологических исследований комбината «Электрохим-прибор» этого города¹³.

Увлечательность и динамичный ритм изложению придают новые сюжеты, введенные в заключение каждой главы. В предисловии автор намекает на такое композиционное решение, но оно все равно оказывается неожиданным. Так, в конце последней главы, которая и сама по себе выполняет функцию заключения, Дюкс возвращается к истории царской семьи, точнее, ее убийства в Екатеринбурге в 1918 году и последующей меморизации — возведению Храма-на-Крови на месте Ипатьевского дома и монастыря с деревянными часовнями на месте захоронения останков. Этот сюжет не должен отвлечь внимание от важного заявления: «Как любая страна, Россия является продуктом своей истории. В отличие от многих других стран, однако, в России история стала предметом активного политического использования» (р. 196). К примеру, Джорджа Вашингтона как отца-основателя обсуждают много меньше, нежели Петра Великого в качестве фундаментального реформатора. Развивая тезис о всеохватной природе русского патриотизма, Дюкс утверждает преемственность триады «православие — самодержавие — народность», которая в советское время превратилась в «марксизм-ленинизм — компартия — Советский Союз», а сегодня выглядит как «православие — президентство — народность» (р. 196)¹⁴. И далее, через посмертную судьбу семьи Николая II, Дюкс переходит к рассуждениям о русском/российском национализме и, по Ключевскому, самоколонизации, более чем характерной для Урала. (Ссылка на внутреннюю колонизацию Эткинда будет парой страниц позднее.) Именно в ее продолжение мы наблюдаем сегодня подъем Северного Урала и упадок Среднего, считает Дюкс.

«Упадок», или «постиндустриальная деградация», не вызывает у автора сомнения. Магнитогорск, как и его американский прообраз Гэри, в свое время были не только впечатляющими стройками, но создали — солидаризируется Дюкс с Коткинским — новый прогрессивный тип цивилизации. Сегодня же оба индустриальных центра являют собой типичные образцы деградации: Гэри страдает от растущей безработицы, Магнитогорск — одно из самых загрязненных мест в мире; о прогрессе давно никто не вспоминает (р. 200). В терминах другого британского историка, Филиппа Лонгворта (Longworth, 2006), который выделяет четыре российских империи (киевскую, московскую, романовскую и советскую, а Дюкс прибавляет пятую — «новую российскую империю»), можно сказать, что в киевский и московский период Урал не играл заметной роли. Накануне XVIII в. его начинают связывать с границей между Европой и Азией, при Петре I регион ассоциируется с металлургией, приобретая жизненно важное значение в эпоху Романовых, пока

13. Справедливости ради следует отметить, что и в указанной книге Мельниковой (2006) далеко не всегда понятно, о каких данных идет речь в тех или иных случаях, опущены и процедурные характеристики социологических исследований.

14. Триады и дореволюционного, и современного периодов включают одно и то же слово «nationality» (переведено, соответственно, в обоих случаях как «народность»), что представляется не вполне корректным либо требующим пояснений.

не придет в упадок в XIX в. Пройдя фазы леса и угля, сегодня уральская экономика развернулась к нефти и газу (р. 197–198).

Автор не прибегает к аналитическим ресурсам таких востребованных сегодня направлений, как гуманитарная, культурная или психогеография, что, впрочем, не мешает читателю поразмышлять в подобных направлениях, вольно или невольно подсказанных книгой. Бажовские образы в романе «2017» Ольги Славниковой или множественные аспекты колонизации — только малая часть возможных дверей, ведущих в Нарнии таких размышлений, каким бы обычным на первый взгляд ни казался тот платяной шкаф.

Фраза Д. Н. Мамина-Сибиряка, вынесенная в заглавие и эпитафия, где писатель говорит про место Урала в своем творчестве, в его письме 1889 г. заканчивается безрадостно: «...а они даже не смотрят на мой подарок». Действительно, Урал — дар не самый простой для восприятия и осмысления и больше века спустя, как показывает и новейшая «История Урала» Пола Дюкса. Тексты — своенравные создания и, как известно, живут своей жизнью. Все вышесказанное, однако, позволяет обоснованно полагать, что творение Дюкса сулит публике впечатляющее и побуждающее к размышлениям знакомство с подарком, книге — долгую жизнь и заслуженное место в списках цитирования, а Уралу — более яркие краски в ментальных картах читателей.

Литература

- Алексеев В. В. (Ред.). (2000а). Урал в панораме XX века. Екатеринбург: СВ-96.
- Алексеев В. В. (Ред.). (2000б). Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига.
- Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. (2008). Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука.
- Гайдар Е. Т. (1996). Дни поражений и побед. М.: Вагриус.
- Гайдар Е. Т. (2006). Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОС-СПЭН.
- Дюкс П. (2007). Россия, Америка и Европа сегодня: некоторые взгляды восемнадцатого века на конституцию, свободный рынок и гражданское общество // Судьба России: вектор перемен: Материалы Международной научной конференции. Т. 1. Москва: Академический проект. С. 444–455.
- Дюкс П. (2015а). Минуты до полуночи: историческая наука и эра антропоцена с 1763 года / Пер. с англ. А. А. Алексеевой под ред. Е. В. Алексеева. Екатеринбург: УМЦ УПИ.
- Дюкс П. (2015б). Модернизация и антропоцен: ключевые даты // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. / Отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: УрО РАН. С. 170–175.
- Ключевский В. О. (1990). Курс русской истории. Часть V. Лекция LXVII // Ключевский В. О. Сочинения. В 9-ти т. Т. 5. М.: Мысль.

- Кириллов А. Д. (Сост.). (2008). Политическая история Урала и Уральского федерального округа, 1985–2007 гг. Екатеринбург: Уральский рабочий.
- Кириллов А. Д., Попов Н. Н. (Ред.). (2000). Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь: очерки истории. Екатеринбург: Уральский рабочий.
- Лашин А. Г., Песляк М. (2006). Из докладной записки заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации челябинского обкома ВКП(б) А. Г. Лашина, заведующего отделом студенческой молодежи ЦК ВЛКСМ Песляка о крупных недостатках в политико-воспитательной работе среди молодежи учебных заведений Челябинской области. 29 сентября 1946 г. // Общество и власть: российская провинция, 1917–1985. Т. 2: 1946–1985: Челябинская область: документы и материалы. Челябинск: Книга, С. 35–41.
- Мельникова Н. В. (2006). Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург: Банк культурной информации.
- Нарский И. В. (2001). Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН.
- Нарский И. В. (Ред.). (2011). Слухи в России XIX–XX веков: неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск: Каменный пояс.
- Огоновская И. С., Попов Н. Н. (Ред.). (2004). История Урала с древнейших времен до наших дней: учебник для 10–11-х классов общеобразовательных учреждений. Екатеринбург: Сократ.
- Уральский центр первого президента России Б. Н. Ельцина. (2007). Отчет о работе 1-й международной конференции «Судьба России: вектор перемен» 8–10 июня 2007 г. Режим доступа: <http://ural-yeltsin.ru/events/konferencii/document174/> (дата доступа: 15.12.2015).
- Balmforth T. (2012). Fury and Activism in the Urals: Yekaterinburg's Protest Spirit // Radio Free Europe / Radio Liberty March 02, 2012. Available at: http://www.rferl.org/content/yekaterinburg_urals_activism_fury_election_protest_spirit/24502845.html (accessed 15.12.2015).
- Dukes P. (1967). Catherine the Great and the Russian Nobility: A Study Based on the Materials of the Legislative Commission of 1767. New York: Cambridge University Press.
- Dukes P. (1970). The Emergence of the Superpowers: A Short Comparative History of the USA and the USSR. London: Macmillan, Harper & Row.
- Dukes P. (Ed.). (1977–1978). Russia under Catherine the Great. Newtonville: Oriental Research Partners.
- Dukes P. (1982). The Making of Russian Absolutism, 1613–1801. London: Longman.
- Dukes P. (1998). A History of Russia: Medieval, Modern, Contemporary, c. 882–1996. Durham: Duke University Press.
- Dukes P. (2001). The Superpowers: A Short History. London: Routledge.
- Dukes P. (2004). Paths to a New Europe: From Pre-Modern to Post-Modern Times. Basingstoke: Palgrave.

- Harris J. R.* (1999). *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*. Ithaca: Cornell University Press.
- Kotkin S.* (1995). *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.
- Longworth Ph.* (2006). *Russia: The Once and Future Empire from Pre-History to Putin*. London: John Murrey.
- Moore A.* (2015). *The Anthropocene: A Critical Exploration // Environment and Society: Advances in Research*. Vol. 6. № 1. P. 1–3.
- Portal R.* (1950). *Loural au XVIIIe siècle: étude d'histoire économique et sociale*. Paris: Institut d'Études slaves. (Рус. пер.: *Порталь Р.* [2004]. Урал в XVIII веке: очерки социально-экономической истории / Пер. с франц. и нем. Л. Ф. Сахибгареевой, С. А. Калугина, Н. Н. Реуцкой. Уфа: Гилем.)
- Samuelson L.* (2011). *Tankograd: The Formation of a Soviet Company Town: Cheliabinsk 1900–1950s*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. (Рус. пер.: *Самуэльсон Л.* [2010]. Танкоград: секреты русского тыла, 1917–1953 / Пер. с швед. Н. В. Долговой. Москва: РОССПЭН.)

**“The whole region with people, nature and all the riches...”
(Review: Paul Dukes, *A History of the Urals: Russia's Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era* [London: Bloomsbury, 2015])**

Natalya Veselkova

Associate Professor, Department of Applied Social Studies, Institute of Social and Political Sciences, Ural Federal University (Russia)

Address: 19 Mira str., Ekaterinburg, Russian Federation 620002

E-mail: vesselkova@yandex.ru

A History of the Urals by British historian Paul Dukes is the first book to introduce the English-speaking reader to the life of the Urals from Ivan the Terrible to the present day, the characters of the narrative thus being not only Yermak and Tatishchev, but also Trotsky, Yeltsin, and Roizman. Known from his publications of Catherine's Russia and of the USA and the USSR superpowers, among others, Dukes became interested in the Urals through communications with Ural historians. Duke's addressing of their works allows the reader to evaluate the advances in (re)understanding the 1990s—2000s history of the region. Dukes is trying to attack the stereotypical perception of the Urals as just the boundary between Europe and Asia in featuring both the national and global significance of the region. In addition, today, the vertical axis of the "north—south" is much more relevant than the "Europe—Asia" horizontal. Analytically, the history of the Urals is revealed through three waves of Russian modernization, and considering data on governmental control, the exploitation of resources, and the cultural adjustment for each period. There is a noteworthy interplay of regional and national scales in *A History of the Urals*, to which the comparative observations of the Russian and British empires, and the Soviet and American industrializations are sometimes added. The book envisages the Urals via a set of aligned and brilliantly matched images, from the "Slata baba" (Golden Woman) of ancient maps, to the Mistress of the Copper

Mountain, captured by Paul Dukes himself during his recent excursion to the Europe-Asia boundary.

Keywords: Paul Dukes, history of the Urals, Russian modernizations, national scale, local scale, Russian empire

References

- Alekseev V. et al. (eds.) (2000) *Ural v panorame XX veka* [Urals in the Panorama of the 20th Century], Ekaterinburg: SV-96.
- Alekseev V. et al. (eds.) (2000) *Ural'skaia istoricheskaia entsiklopedia* [Ural Historical Encyclopedia], Ekaterinburg: Akademkniga.
- Alekseev V., Gavrilov D. (2008) *Metallurgii Urala s drevneishikh vremen do nashikh dney* [Urals Metallurgy from Ancient Times to the Present Day], Moscow: Nauka.
- Balmforth T. (2012) Fury and Activism in the Urals: Yekaterinburg's Protest Spirit. Radio Free Europe / Radio Liberty, March 2, 2012. Available at: http://www.rferl.org/content/yekaterinburg_urals_activism_fury_election_protest_spirit/24502845.html (accessed 15 December 2015).
- Boris Yeltsin Ural Presidential Center (2007) Otchet o rabote 1-i mezhdunarodnoi konferentsii "Sud'ba Rossii: vector peremen" (8–9 iiunya 2007 g.) [Report on the 1st International Conference "The Destiny of Russia: Vector of Changes" (June 8–10, 2007)]. Available at: <http://ural-yeltsin.ru/events/konferentsii/document174/> (accessed 15 December 2015).
- Gaidar E. (1996) *Dni porazhenii i pobed* [Days of Defeat and Victory], Moscow: Vagrius.
- Gaidar E. (1996) *Gibel' imperii: uroki dlia sovremennoi Rossii* [Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia], Moscow: ROSSPEN.
- Dukes P. (1967) *Catherine the Great and the Russian Nobility: A Study Based on the Materials of the Legislative Commission of 1767*, New York: Cambridge University Press.
- Dukes P. (1970) *The Emergence of the Superpowers: A Short Comparative History of the USA and the USSR*, London: Macmillan, Harper & Row.
- Dukes P. (ed.) (1977–1978) *Russia under Catherine the Great*, Newtonville: Oriental Research Partners.
- Dukes P. (1982) *The Making of Russian Absolutism, 1613–1801*, London: Longman.
- Dukes P. (1998) *A History of Russia: Medieval, Modern, Contemporary, c. 882–1996*, Durham: Duke University Press.
- Dukes P. (2001) *The Superpowers: A Short History*, London: Routledge.
- Dukes P. (2004) *Paths to a New Europe: From Pre-Modern to Post-Modern Times*, Basingstoke: Palgrave.
- Dukes P. (2007) Rossiia, America i Evropa segodnia: nekotorie vzgliadi vosemnadtsatogo veka na konstitutsiiu, svobodnii rynok i grazhdanskoie obshchestvo [Russia, America and Europe Today: Some Views of the Eighteenth Century on the Constitution, Free Market, and Civil Society]. *Sud'ba Rossii: vector peremen: Materiali mezhdunarodnoi konferentsii* [The Destiny of Russia: Vector of Changes: Proceedings of the International Scientific Conference], vol. 1, Moscow: Akademicheskii project, pp. 444–455.
- Dukes P. (2015) *Minuti do polnochi: istoricheskaia nauka i era antropocena c 1763 goda* [Minutes to Midnight: History and the Anthropocene Era from 1763], Ekaterinburg: UMC UP.
- Dukes P. (2015) Modernizatsiia i antropocen: kliuchevie daty [Modernization and the Anthropocene: Some Key Dates]. *Chelovek v usloviach modernizatsii XVIII–XX vv.* [Man in the Conditions of Modernization of 18–19th Centuries], Ekaterinburg: UrO RAN, pp. 170–175.
- Harris J. R. (1999) *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*, Ithaca: Cornell University Press.
- Kirillov A. et al. (eds.) (2008) *Politicheskaia istoria Urala i Ural'skogo federal'nogo okruga, 1985–2007 gg.* [Political History of the Urals and the Ural Federal District, 1985–2007], Ekaterinburg: Ural'skii rabochii.
- Kirillov A., Popov N. (eds.) (2000) *Ural: Vek dvadtsatyi. Liudi. Sobitiia. Zhizn. Ocherki istorii* [The Urals: 20th Century. People. Events. Life: Essays on the History], Ekaterinburg: Ural'skii rabochii.

- Klyuchevsky V. (1990) Kurs resskoi istorii. Chast' V. Lekciia LXVII [The Course of the Russian History, Part V, Lecture LXVII]. *Sochineniia. T. 5* [Works, Vol. 5], Moscow: Mysl.
- Kotkin S. (1995) *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*, Berkeley: University of California Press.
- Lachin A., Peslyak M. (2006) Is dokladnoi zapiski zamestitelia zaveduiushchego otdelom propagandi i agitatsii cheliabinskogo obkoma VKP(b) A. G. Lashina, zaveduiushchego otdelom studencheskoi molodezhi CK VLKSM Pesliaka o krupnikh nedostatках v politico-vospitatel'noi rabote sredi molodezhi uchebnikh zavedenii Cheliabinskoi oblasti. 29 sentiabria 1946 g. [[From the Memorandum of A. G. Lashin, a Deputy Head of the Propaganda Department of the Chelyabinsk Regional Committee of the CPSU(b), and Peslyak, a Head of the Students Department of the Central Committee of Komsomol, about Major Shortcomings in the Political Education of Youth in the Educational Institutions of Chelyabinsk Region. September 29, 1946]. *Obshchestvo i vlast': rossiiskaia provintsia, 1917–1985. T. 2: 1946–1985: Cheliabinskaia oblast': dokumenty i materialy* [Society and Power: Russian Province, 1917–1985, Vol. 2: 1946–1985: Cheliabinsk Region: Documents and Materials], Cheliabinsk: Kniga, pp. 35–41.
- Longworth Ph. (2006) *Russia: The Once and Future Empire from Pre-History to Putin*, London: John Murrey.
- Melnikova N. (2006) *Fenomen zakrytogo atomnogo goroda* [A Closed Nuclear City Phenomenon], Ekateriburg: Bank kulturnoi informatsii.
- Moore A. (2015) The Anthropocene: A Critical Exploration. *Environment and Society: Advances in Research*, vol. 6, no 1, pp. 1–3.
- Narsky I. (2001) *Zhizn' v katastrofe: budni naseleniia Urala v 1917–1922 gg.* [Living in a Crash: Weekdays of the Ural Population, 1917–1922], Moscow: ROSSPEN.
- Narsky I. et al. (eds.) (2011) *Slukhi v Rossii XIX–XX vekov: neofitsial'naia kommunikatsiia i 'krytye povoroty' rossiiskoi istorii* [Rumors in Russia in 19–20th Centuries: Informal Communication and "Sharp Turns" of the Russian History], Cheliabinsk: Kamennyi poias.
- Ogonovskaya I., Popov N. (eds.) (2004) *Istoria Urala s drevneishikh vremen do nashikh dnei: Uchebnik dlja 10–11-h klassov obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij* [History of the Urals from Ancient Times to the Present Day: A Textbook for 10–11 Classes of Secondary Schools], Ekaterinburg: Socrat.
- Portal R. (1950) *L'oural au XVIIIe siècle: étude d'histoire économique et sociale*, Paris: Institut d'Études slaves.
- Samuelson L. (2011) *Tankograd: The Formation of a Soviet Company Town: Cheliabinsk 1900–1950s*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.